Никлас ЛУМАН[1]

ВЛАСТЬ И ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ*

Власть конституируется посредством распределения предпочтений в пользу тех или иных альтернатив и поэтому содержательно зависит от констелляций данных предпочтений. ...Мы удовлетворились этой общей констатацией, чтобы затем обратиться к общим проблемам кодов. Теперь мы собираемся сконцентрировать свое внимание непосредственно на задаче прояснения взаимоотношений власти и насилия.

Власть в ее связи с другими структурами социальных систем в качестве условия своего существования обладает определенным множеством альтернатив и определенным порядком преференций. Она не является абсолютно автаркичным предметным комплексом и как в вопросе условий своих возможностей, так и в вопросе уровня потребностей и притязаний зависит от внешних факторов. Часто замечают, что власть изменяется вместе с типом и мерой дифференциации общественной системы, а также в зависимости от уровня разделения да в отдельных системах тех или иных организаций[1].

Исходя из этого, в зависимости от типа альтернатив, которые либо оказываются предпочтительнее других, либо теряют свою привлекательность, можно конструировать различные типологии власти. Впрочем, подробно рассматривать эти варианты мы в рамках данного исследования, к сожалению, не имеем возможности. В целом же следует ясно осознавать, что вместе с растущими вследствие

---

[1] Луман Никлас (род. 1927) – крупнейший современный немецкий социолог-теоретик, ведущий представитель функционального анализа и системной теории в социологии. В центр своих исследований он ставит отношения системы с окружающей средой, а функционально эквивалентные способы возникающих проблем получают общую точку отсчета – различие в сложности между системой и средой.

В 1970-е гг. Н.Луман сосредоточивает усилия на разработке теории общества, которое рассматривается им как условие возможности взаимодействия многочисленных социальных систем. Трудности увязки разных положений теории разрешаются им за счет выделения и разведения в качестве взаимонезависимых трех «супертеорий»: системной, эволюционной и символически генерализированных средств коммуникации. Особое внимание Н.Луман уделяет анализу одной из ключевых проблем современной социальной и политической теории – проблеме власти.

* Публикуется с незначительными сокращениями по: *Луман Никлас.* Власть / Пер. с нем. А.Ю.Антоновского. М., Праксис, 2001.

дифференциации взаимозависимостями возрастают как возможности власти, так и потребность в ней, хотя вопрос об «адекватности» власти следует тем не менее рассматривать отдельно. Не стоит представлять дело так, будто общественное развитие автоматически порождает власть, в которой оно нуждается, будто власть возникает сама собой как побочный продукт общественной дифференциации, а затем используется обществом в целях перекрытия более высокой комплексности и более высокой контингенции возможных действий. В пику этому подходу следует заметить, что власть, опирающаяся на структурно обусловленные зависимости, в ходе растущей дифференциации существенно ослабляется, получает функциональную специфичность и лишается локализации, скажем, как власть руководства ремонтной бригады над рабочими-сдельщиками в структуре предприятия[2]. Формирующиеся при образовании власти структурные зависимости требуют поэтому соответствующей эластичности. Однако это не должно безоговорочно означать эластичности формирования соответствующих диспозиционных свобод конкретного властителя. Если в процессе дифференциации систем власть по мере своих возможностей и в соответствии с потребностями общества усиливается, то этот принцип роста зависит не от чего иного, как от соответствующих генерализаций самого кода власти. Следует искать такие основания власти, которые не зависят исключительно от общественной дифференциации, но могут применяться универсально. На уровне общества в целом этому служит такое основание власти, как физическое насилие.

Сначала вернемся к сформулированному в главе 1, тезису, в соответствии с которым в ходе актуального применения физического принуждения на основе средств телесного воздействия власть, по крайней мере в ситуациях, в которых это действительно происходит, исчезает. «Nemo ad praecise factum cogi potest»*, – гласит древнеримское судебное изречение. Физическое насилие поэтому не может пониматься просто как «последнее средство» на шкале усиливающегося давления со стороны власти. Напротив, в его соотношении с символически генерализированным кодом власти насилие имеет гораздо более общее значение, заключающееся в том, что оно опосредует отношения символического уровня с уровнем органическим, не ангажируя при этом такие неполитические функциональные области, как экономика или семья. Благодаря этому насилие делает возможным дифференциацию специфически политической власти, которая должна отвечать непременному условию – не вырождается» в физическое насилие.

* «Никто не может до конца подчиняться принуждению» *(лат.)*. – Прим. ред.

Здесь представляется уместным провести анализ на уровне общей теории средств коммуникации, аналогичный тому, что мы проводили в ходе рассмотрения кодов коммуникативного средства власти. Ни одно средство коммуникации не может состоять исключительно из ряда генерализированных символов, скажем, представлять собой просто набор знаков. Все участники коммуникативного процесса подчиняются условиям и ограничениям, которые накладывает на них селективный характер их физической и органической природы, иначе говоря, подчиняются условиям совместимости с другими уровнями образования систем. Поскольку эти физико-органические предпосылки являются общими для всех участников, то можно говорить о симбиозе, и поэтому средства регуляции отношений между символическим и симбиотическим уровнями можно представить в виде симбиотических механизмов[3]. Все средства коммуникации образуют симбиотические механизмы, но они обязательно зависят от степени дифференциации, генерализации и спецификации кодов, функционирующих в рамках определенных условий. С одной стороны, существуют общие симбиотические основания для всех коммуникативных средств, скажем, условия и оограничения органического потенциала переработки информации[4]. С другой стороны, имеются особые, специфические для различных констелляций, схематизмы, которые в отношении отдельных коммуникативных средств приобретают порой особую релевантность (хотя, разумеется, все эти механизмы так или иначе предполагают друг друга). Так, в случае истины специфическую релевантность приобретает восприятие. В случае любви эту роль играет сексуальность. Код денег соотнесен с удовлетворением потребностей. Власть же устанавливает специфические отношения с физическим насилием.

Несмотря на многообразие симбиотических механизмов всем им свойственны следующие проблемы.

1. Симбиотическое отношение невозможно игнорировать. В вопросе истины нельзя просто отвлечься от того, что дано в восприятии; точно так же в вопросах власти невозможно просто проигнорировать место локализации более высокого потенциала физического насилия. Отношение к симбиотическому уровню должно поэтому также регулироваться кодом.

2. Формулируя позитивно, симбиотические механизмы предоставляют управляемым коммуникативными средствами и согласованным с ними процессам своего рода гарантии надежности[5]. По мере усиления селективности управляемого действия (переживания) обеспечение надежности становится все более важным для обеих сторон коммуникации. Чем менее надежно распределяется

селекция, чем больше возможностей вмещает в себя представление, тем важнее знать, что именно было дано в восприятии. Так, если в брак могут потенциально вступать все партнеры, то сексуальность – как основа брачных отношений и доказательство любви – приобретает большее значение.

3. Для всех процессов характерно, что фиксация и обусловленность симбиотических механизмов в органических системах заставляет их неспецифически воздействовать на более высоком уровне конституированных смыслом процессов. Здесь они могут оставаться не до конца определенными и функционировать относительно независимо от структуры. На более высоких уровнях как раз на этом и основывается их функция. Хотя в аппарате восприятия организма присутствуют предустановленные ограничения, однако самих содержаний восприятия здесь еще не дано. Опираясь на физическое насилие, нельзя достичь всего, но насилие почти не нуждается ни в каких условиях для того, чтобы быть мотивированным. Правда, это качество не реализуется само собой. В свою очередь, оно зависит от символических процессов, которые его конституируют, ибо в естественном жизненном мире первоначально еще не существует никакого физического насилия, никакого свободного от контекста восприятия, никакого либидо самого по себе, которое искало бы себе партнера. Следовательно, лишь функция медийного кода позволяет запускать симбиотический механизм таким образом, чтобы на символическом уровне могла быть востребована его независимость от фиксированных объектов и специфических смысловых структур. Этот эффект, как было сказано выше, варьируется в зависимости от возрастающих притязаний коммуникативных средств на большую дифференцированность, генерализацию и специфичность.

4. Поскольку в управляемые медийными средствами процессы коммуникации вовлечено большое число органических систем, то коды этих средств вынуждены заботиться о том, чтобы организмы и их психические системы управления не обособлялись, чтобы их связь обеспечивалась даже в обход имеющих смысл социальных коммуникативных отношений. Это осуществляется на основе запретов самоудовлетворения. Для случая любовь-сексуальность эта связь представляется наиболее прозрачной. Истина также не может опираться исключительно на субъективное переживание ее очевидности в акте восприятия либо интуитивного прозрения. Аналогичным образом и власть едва ли смогла бы выполнять функции по наведению социального порядка, транслировать результаты своих селекций и выходить за пределы простого принуждения, если бы каждый индивид был способен самостоятельно и в любое время применять физическое насилие. Тот факт, что лишь благодаря эконо-

мической открытости собственность и деньги приобретают свой смысл и функцию, также лежит на поверхности, хотя данный код ссылается не на нормативные запреты, а на условия рентабельности экономического поведения.

5. Симбиотические механизмы получают специализированные на средствах коммуникации функции, отличающиеся прочно фиксированной органической основой, лишь благодаря символически генерализированным кодам. Помимо этого, по мере роста притязаний на специфичность усиливается зависимость от организации. Но органические процессы, кажущиеся последним основанием, сами в свою очередь опираются на специализированные социальные системы. Деньги приводят к удовлетворению потребностей лишь посредством организованной торговли. Научно релевантные восприятия в большинстве случаев доступны лишь на основе организованной подготовки. Физическое насилие, когда, скажем, на некоторой территории должно быть гарантировано подавление возможного сопротивления, предполагает участие множества людей и мобилизацию ресурсов. Само по себе насилие не является последним средством обеспечения надежности, а требует организации решений по его применению, и эта организация должна быть гарантированной. Даже сексуальность не представляется более основной гарантией любви, ее доказательством, а требует, со своей стороны, достаточного обеспечения надежности в виде продуктов фармацевтической индустрии. Такого рода цепи надежности предоставляют перед лицом тотальной ненадежности более высокие гарантии, так как они образуются гетерогенным образом и не могут порваться сразу во всех своих звеньях.

Эти основания сравнения с другими симбиотическими механизмами лежат в основе структуры теории насилия. Но не следует останавливаться на уровне простых аналогий, поскольку в этом случае функциональный анализ вырождается в чисто классификационные процедуры. Теоретический вопрос об эквивалентности разнородного требует выхода за пределы аналогий и соотнесения характеристик насилия с особенностями кода власти и его функцией специфической констелляции интеракций.

Физическое насилие, намеренно применяемое по отношению к людям[6], упорядочивается в рамках соотнесенного с действием коммуникативного средства власти[7] благодаря тому, что одно действие элиминируется им на основе другого, исключая тем самым коммуникативный перенос редуцированных предпосылок решений. Обладая такими свойствами, физическое насилие как таковое не может быть властью, но оно образует непреодолимый пограничный барьер для конституирующей власть альтернативы избежания.

Здесь становится понятен смысл рассмотренных выше свойств симбиотических механизмов: возможность применения насилия не может игнорироваться ни одной из сторон коммуникации; насилие обеспечивает сильному большую надежность в преследовании своих целей; оно может применяться почти универсально, поскольку в качестве средства оно не привязано ни к определенным целям, ни к определенным ситуациям или мотивациям участников коммуникации; наконец, поскольку речь идет об относительно простом действии, то его легче организовать, а значит, за исключением случая самоудовлетворения, и централизовать. Помимо этого, насилие демонстрирует асимметричный порядок предпочтений, который требуется при образовании власти: для сильных насилие менее неприятно, чем для слабых[8]. Применение насилия является также кульминационным пунктом конфликта, в котором неизбежно должно выясниться, кто из сторон конфликта одержит победу. При этом выбор той или иной альтернативы в рамках бинарного схематизма ориентации проистекает из антиципации исхода конфликта. Если этот схематизм применять в качестве общественной альтернативы избежания, то в случае выбора позитивной альтернативы он дополняется схематизмом правового – неправового. Двойственная природа кода власти, образованная дихотомиями сильный – слабый и правовое – неправовое, покоится, следовательно, на удвоении негативных и позитивных комбинаций альтернатив, которые конституируют власть. Отсюда вытекает требование совместимости силы и права и одновременно понимание того, что сила и право не являются идентичными друг другу. В основе же возникшей в эпоху софистов и постоянно возобновляющейся дискуссии о «праве сильного» лежит слишком уж упрощенная теория власти.

Если такие свойства, как правота и сила, совпадают, то физическое насилие в процессе формирования власти приобретает исключительные позиции. Обладая способностью комбинировать названные аспекты, физическое насилие не может быть превзойдено никакой другой альтернативой избежания. Вместе с тем эта комбинация преимуществ ограничена рамками применения альтернатив избежания как таковых. Поэтому насилие всегда сохраняло и продолжает сохранять свою специфическую, соотнесенную с властью природу, а следовательно, не может симбиотически фундировать никакие медийные средства иного рода, скажем, истину или любовь. Непременное ограничение фундированной насилием власти состоит в том, что она может осуществляться практически универсально, но получаемая ею «прибавочная стоимость» не может быть непосредственно использована для завоевания позиций в сферах других коммуникативных средств.

На фоне этих размышлений становится понятным значение всех наших прежних усилий по истолкованию насилия в качестве альтернативы избежания. Например, насилие может осуществляться посредством демонстрации впечатляющей силы, провоцировать которую было бы безумием. Функциональным эквивалентом для этого становится гражданская техника темпорализиции насилия. По мере дифференциации двойных временных горизонтов такая темпорализация становится возможной двояким образом: или как смещение в прошлое, или как смещение в будущее. Иначе говоря, она осуществляется в направлении того или иного неактуального, но релевантного горизонта современности. Насилие может интерпретироваться как начало системы, вызвавшее к жизни селекцию правил, функция, рациональность и легитимность которых получили независимость от своих исходных условий[9]. Вместе с тем насилие может быть представлено в качестве будущего события, наступление которого пока еще можно избежать в современности, поскольку условия его применения хорошо известны. Оба вида темпорализации основываются на эффективном регулировании какого-либо современного поведения власти, а следовательно, на двойном кодировании власти посредством права. Они заменяют плоскую вездесущность насилия конкретикой регулируемой современности, которая совместима с временными горизонтами инородного, но не актуального прошлого или будущего.

Способы решения этой тонкой структурной проблемы, конечно же, обусловлены исторически и зависят от многих факторов. Они не только предполагают надежную монополизацию решений по применению насилия, но и, сверх того, достаточно комплексное отношение общественной системы ко времени. Если будущее и прошлое предстают в виде гетерогенных современностей, то различия временных модусов должны рассматриваться гораздо шире, а не только в соотнесенном с властью отношении к реконструкции общественной комплексности. Такая возможность впервые была реализована в буржуазном обществе XVIII–XIX столетий.

Теперь мы намерены сформулировать два других комплекса соображений, затрагивающих соответственно вопросы образования систем и генерализации.

Фундированная насилием власть отличается относительно простым (по своей форме близким к решению) принципом ориентации, который в то же время оказывается совместимым с высокой комплексностью. Согласно общим системно-теоретическим воззрениям, такой принцип ориентации, если он совпадает с дисконтинуальностью системы и внешнего мира, аккумулируя результаты совершенных простых шагов, может приводить к образованию комплекс-

ных систем[10]. Транслируемые властью редукции, подкрепленные насилием, способствуют открытию новых источников власти, на пример властных сцеплений. На этой основе из простых первоначальных условий может вырастать система контингентной комплексности, упорядочивающая эффективность которой делает эту систему во многом независимой от ее исходных условий.

В ходе подобного процесса, который никак нельзя назвать необходимым, дифференцируются генетические условия власти и условия ее контроля. Насилие – это всего лишь генетическое, минимальное и непременное условие основания системы власти, но постепенно оно утрачивает функции контроля над нею. Возможность рационального истолкования системной комплексности со временем становится проблемой. Возникновение современного суверенного государства на основе монополизации решений о применении насилия, разрастание его постепенно выходившей из-под контроля комплексности представляет собой в общегражданском плане показательный пример подобного развития. Одновременно с этим наша теория власти объясняет также возможность возникновения в данной ситуации революционных кризисов, то есть попыток обращения к насилию с целью изменения неконтролируемой комплексной системы путем регрессивной прогрессии.

Похожий разрыв на линии возрастающей власти мы обнаруживаем при анализе проблемы ее генерализации на основе насилия. Структура коммуникативных средств оказывается слишком сложной для того, чтобы их функция могла возрастать линейно. Развитие способностей распоряжаться средствами насилия касается лишь определенной, хотя и важной альтернативы избежания. Оно быстро достигает предельной точки, в которой прекращается рост надежности и, тем более, усиление власти. Дальнейшее усиление власти перестает зависеть от того, насколько надежно обеспечивается победа в физической борьбе, или от того, сколь мало усилий требуется для этой победы. Власть обретает структурные основания нового типа, которые мы обозначили как потребности в символически генерализированных кодах. Генерализация символического кода перестает сводиться к единственной форме универсального средства насилия, которое можно использовать для достижения почти любых целей. На более высокой ступени развития власть получает тем более общий характер, чем больше она оказывается способной комбинировать весьма разнородные ресурсы и связывать их с селективностью в довольно разнородных ситуативных контекстах[11]. Поэтому наиболее генерализированной властью является не та, которая предоставляет властителю случайно-разнообразный выбор из широчайшей области альтернатив избежания, так как столь обширную

комплексность он был бы не в состоянии редуцировать самостоятельно, но та, которая способна, подобно деньгам, реализовать широчайшую вариативность, ибо определяет предпосылки для принятия решений другими лицами. Однако решающее условие этой функции состоит не в способности распоряжаться средствами насилия, а в рациональном контроле над предельно комплексными связями между решениями.

Усиление власти, если она преодолевает относительно элементарный порог, трансформирует ее в не случайную и не произвольно актуализируемую форму. Не в последнюю очередь это связано с тем, что вместе с основной властью конституируется и другая, противоположная ей власть. Этот факт был установлен нами в ходе анализа образования властных сцеплений. Это всегда имеет место в том случае, когда подчиненный воздействует на властителя, заставляя его учитывать условия и специфику ситуаций, в которых он может осуществлять свою власть. Также и провоцирование насилия является примером такой противоположно направленной власти. Условия роста власти имеют свои ограничения. Именно в силу этого можно сформулировать теорию даже самой высокой власти.

Подводя общий итог всех наших размышлений на тему насилия, следует констатировать, что распространенное представление о противоположности или одномерной полярности между легитимностью и насилием либо между консенсусом и принуждением[12] ошибочно. В рамках данных представлений речь, по-видимому, идет о гражданско-повседневной конструкции, параллельно формулирующей изложенную нами выше проблему темпорализации и дезактуализации насилия. Этот концепт является составной частью самого кода власти, то есть является поведенческим предписанием и означает, что властитель, прежде чем применять насилие, всегда должен заботиться о консенсусе. Подобный анализ был бы в качестве теории власти, а особенно – в качестве понятийного инструмента для анализа отношений между результатами генерализации, совместимостью (несовместимостью) средств символов и симбиотическими механизмами, чрезмерным упрощением.

Ни легитимность, ни насилие не могут сформироваться без помощи симбиотических процессов. Эти понятия не просто характеризуют две противоположности или два противоположных полюса единого измерения, как если можно было бы сказать, что чем больше насилия, тем меньше легитимности, и наоборот, но, напротив, представляют собой символические взаимозависимости, которые проявляются там, где регулирование отношений с симбиотическим уровнем, то есть с органической основой совместной жизни, не может быть осуществлено без учета других требований к коммуника-

тивным средствам. Взаимодействие обоих названных уровней требуется для контингентности процесса, а условия этого взаимодействия являются эволюционно вариативными. Прежде всего они зависят от степени дифференциации специфически политического механизма власти и от его универсальной доступности для всех членов общества.

В следующей главе мы снова обратимся к теме вариативности общественно-структурных требований к власти и насилию, а именно рассмотрим их с точки зрения технологичности власти.

VII. Риск власти

Развитые формы институционализации медийных кодов мыслимы лишь в том случае, если результаты селекции управляемых коммуникативными кодами процессов (и даже результаты селекции самого кода) являются социально прозрачными. Для того чтобы предполагать, что другие люди тоже ориентируются на специфически кодированные основания, необходимо знать, что селекции вообще как-то осуществляются, или хотя бы верить в это. Прежде всего это касается дифференцированных средств коммуникации, переставших репрезентировать общую реальность.

По мере роста селективного сознания все более осознается и связанный с ним риск. Сначала он тематизируется на уровне процессов селекции и трансляции как риск совершения ошибок. При таком формулировании проблемы ее решение видится в установлении стандартов правильной селекции. Это в равной степени касается всех коммуникативных средств, хотя свойственные каждому из них правила мышления, мораль, догматика и организационно-институциональные предписания, вырабатываемые и рекомендуемые в том или ином случае для избежания опасности, имеют ярко выраженные различия. В случае власти люди боятся злоупотреблений со стороны властителя. Как только централизованная власть стала явной и определенной, сразу же возникла проблема тирана, деспотически и самовольно распоряжающегося властью. Этому состоянию посредством связанной с теми или иными институтами этики соответствовала определенная политическая теория. Таким образом, в данной формулировке проблема риска дифференцированной власти ставилась в зависимость от властных структур и поэтому должна была решаться в каждом конкретном случае отдельно.

Буржуазное общество Нового времени с самого начала осознавало, что уровень развития существующих в нем отношений уже не отвечает такому определению опасности и пониманию того, как ее

избежать. Причины этого представляются довольно комплексными, и здесь у нас нет возможности анализировать их подробно. Они кроются в отношениях политики с другими общественными системами, в возрастающей генерализации политических целей и иных формул единения, а также в общественно необходимом усилении власти. Высшей точкой этого развития стали дискуссии на тему суверенитета. В результате этих изменений буржуазная революция, когда она окончательно оформилась как политический процесс, уже не могла использовать обычный механизм коррекции властных злоупотреблений, основанный на принципе решения отдельных частных проблем. И это было также совершенно ясно формировавшемуся в ходе буржуазной революции сознанию.

Менее ясным до сих пор остается то, какое именно понятие риска власти могло бы придти на смену старому, хорошо сформулированному, обладающему солидной моральной опорой, «правомочному» концепту злоупотребления властью. То что данный концепт еще не отжил свой век, но, напротив, благодаря технике усилился, стало ясно в эпоху, превзошедшую все предшествующие столетия масштабом и эффективностью властных злоупотреблений. Эта беспомощность старых средств против новейших властных злоупотреблений, включающих и право на восстание, заставляет задуматься. Столь же очевидно, что простая генерализация старых тематик злоупотребления и подавления, скажем, в концепции «структурного насилия», «господствующих классов» или в весьма наивном представлении о капиталистах и плутократах, извлекающих «прибавочную стоимость», уже не отражает реальность, а служит лишь для стимуляции агрессии. Синдромы представлений этого типа не поддаются анализу на предмет выявления эвристической силы их понятий. И если по мере роста общественных взаимозависимостей властные потенциалы, стремясь вызвать политический резонанс или реакцию, еще принимают форму абстрактных идей или мистификаций, то это является лишь слепым рефлексом самих властных отношений (а следовательно, одним из аспектов риска власти)[13]. Наконец, другой подход, заключающийся в простом «продолжение» темы революции в смысле гегелевского прогноза[14], заставляет думать прежде всего о требованиях совместимости высшей власти с нестабильными политическими отношениями, однако в силу своей зацикленности на исторической теме он не содержит достаточно дифференцированного анализа проблемы риска. Способна ли теория коммуникативных средств вывести науку из этого замкнутого круга?

Для более общей постановки проблемы сначала следует выяснить связь нашей теории с теорией эволюционной. В процессе эволюции в нормальном случае побеждает более вероятное, поскольку

оно встречается чаще и стремительнее воспроизводится. Невероятное поэтому должно появляться и сохраняться вопреки общей тенденции (или, как сказали бы ученые-естествоиспытатели, вопреки тенденции возрастания энтропии). Эволюция – это порождение невероятностей, или, если угодно, их нормализация. Помимо прочего, эволюция всегда предполагает проблему времени, а именно проблему временной конкуренции между вероятными событиями; например, в органической эволюции это происходит посредством катализа или контроля над темпами воспроизводства. В связи с этим возрастает и возможность сбоя. Если относительно вероятное вступает в конкуренцию за шансы воспроизводства с относительно невероятным, то время структурируется, а именно оно перестает быть для происходящих событий чем-то равновероятным и безразличным, но приобретает необратимость в том смысле, что утраченные возможности уже более никогда не возвращаются (если, конечно, их воспроизводство, как исключительный случай, не обеспечивается структурно).

Таким образом, эволюция в общем смысле ускоряет темп движения и ведет к росту взаимозависимостей, дифференциальных временных ограничений и риска, в свою очередь обуславливающих и усиливающих друг друга. Этому соответствуют, с одной стороны, дифференциация особых ролей и, позднее, особых символических кодов, служащих исполнению власти, а с другой стороны, усиление, концентрация и спецификация риска в одной точке. Такая дифференциация соответствует своей функции в том случае, если она обеспечивает ускорение и контроль над временной последовательностью событий благодаря тому, что делает общество независимым от случайного характера транслируемых решений[15]. Тем самым концентрация риска приобретает иную форму: она делается более зримой и, следовательно, более контролируемой селективной практикой властителя. Из временного горизонта риск смещается в сторону проблем предметной адекватности действий властителя и социального консенсуса. Это проблемное состояние обычно регистрируется как «комплекс тирании» и описывается вполне традиционно.

То что прежде всегда представало как угроза «чрезмерной власти», в новое время распознается также и как опасность «недостаточной власти». Отсюда вытекает риск нового рода, а именно риск потери функциональности, явной неэффективности и распада власти, который, обнаруживая себя, лишь возрастает.

Исходным пунктом этой проблемы является быстро растущая по мере общественного развития потребность в решениях, рост которой не способны перекрыть никакие достижения в области приня-

тия и трансляции решений. Способность разрешать проблемы перед лицом естественных констант любого рода (относящихся как к внешней», так и к внутренней «природе») возросла настолько, что почти каждая селекция уже изначально является решением или может быть к нему сведена. Но поскольку это бремя решений, очевидно, не может быть возложено на одну-единственную инстанцию, которая бы обеспечивала управление из единого центра, то организация решений и тем самым цепная трансляция власти становятся проблемой. Хотя мы практически ничего не знаем об отношениях между когнитивной комплексностью и структурами власти в организациях (это, видимо, станет важной областью будущих исследований темы организаций), в ходе рассмотрения проблемы в рамках теории общества становится очевидным, что потенциал решений имеет ограничения, становящиеся источниками власти, причем в двояком смысле: 1) как власть, блокирующая властные цепи, которая может ни на что не воздействовать и ни за что не отвечать, но способна многому препятствовать[16], и 2) как власть, устраняющаяся на ответственных позициях от принятия решений[17]. В таких условиях более вероятными становятся случаи, когда власть принимает и транслирует негативные решения, и более невероятными – когда она принимает и транслирует решения позитивные[18].

С этим самым тесным образом связана и другая точка зрения. Она затрагивает проблемы времени в контексте исполнения власти, то есть именно тот аспект, в котором изначально состояли эволюционные преимущества дифференциации власти. Здесь также дают о себе знать симптомы перегруженности. Темп, синхронизация и своевременность становятся в сфере властной практики проблемой и меняют структуру ее преференций[19]. При более высокой взаимозависимости общественных процессов и различных временных ритмов властитель, упорядочивая властный процесс, как правило, оказывается не в состоянии синхронизировать его с другими процессами. Можно предугадать ход развития того или иного поступательного процесса и научиться воспроизводить линейные последовательности, однако одновременность множества различных требований в условиях высокой комплексности ускользает от программирования и вынуждает то и дело откладывать решения[20]. Таким образом, время становится фактором возмущения, неосязаемым препятствием. Не жесткость материи и не твердолобость людей, а часы и календарь делают невозможной синхронизацию процессов. Из этого также следует, что усиление власти в политической системе делает возможным смену представителей власти, по крайней мере, на самых высших позициях. В результате оказывается, что периоды предвыборных размышлений попадают в сферу

властной практики не только в чисто временном аспекте, но и в определении того, что представляется возможным и что может случиться в пределах срока исполнения должности[21].

Таким образом, как в предметном, так и во временном отношении локализованная в политической системе власть, видимо, уже более не отвечает требованиям принятия решений и их трансляции. Не удивительно, что и в социальном плане здесь выявляются напряжения и симптомы кризисов[22]. Если сформулировать это в терминах, предложенных мною в пятой главе, то можно сказать следующее: политически конституируемая власть постепенно перестает функционировать как единый технический субститут авторитета, репутации и лидерства. Обращение к этому скорее «естественно-самобытному» основанию генерализации влияния вряд ли может помочь при рассмотрении центральных функций власти в развитом обществе. Вместо этого развиваются технические субституты самой власти, принимающие, например, формы самомистификации лидеров или внушения массам ощущения успеха.

Остается тем не менее неразрешенным вопрос о том, действительно ли отмеченные явления указывают на дефицит власти. Подобное заключение нельзя вывести просто из того факта, что можно представить себе гораздо лучшее положение дел. Оно может получить оправдание лишь на основе целостного общественного анализа и соответствующего обоснования универсума рассуждений и масштабов сравнения. Однако от этого мы еще весьма далеки. В этом исследовании мы рассматриваем лишь эволюционный риск власти, и нас интересует только вопрос о том, не возникает ли вместе с хроническим отставанием властных решений от структурно задаваемых ожиданий новый тип риска, а именно риск очевидности того, что власть не реализует свои собственные возможности.

К риску дифференцированных средств коммуникации, если говорить о нем в самом общем виде, относится и то, что по мере роста символической артикуляции и масштабов селективного сознания увеличивается также и расхождение между возможным и действительным, оказывающееся так или иначе зависимым от соответствующих установок. Чтобы охватить весьма разнообразные ситуации и гетерогенные мотивационные основания, символические элементы медийных кодов должны получить очень высокую степень генерализации. В этой своей функции они используют идеализации и фикции, например понятие принудительной интерсубъективной достоверности, понятие суверенитета или представление о любви как о чувстве, направленном на определенного человека и одновременно свободном от каких-либо ограничений[23]. Разочарования, имеющие здесь место, относятся к структурному (а не только к инте-

ракционному) риску дифференцированных средств коммуникации и поэтому должны также дополнительно контролироваться посредством их собственных символических либо смежных кодов.

На основании вышесказанного в отношении всех средств коммуникации можно в целом констатировать, что дифференциация, генерализация и функциональная спецификация усиливают расхождения между возможным и действительным, и не только в смысле растущей селективности процессов, но и в смысле структурного порождения завышенных притязаний и ожиданий эффективности соответствующих систем коммуникации, фактически никак не оправдывающихся. В экономической области хорошим примером этого служит часто обсуждаемая революция непропорционально растущих ожиданий. Указанные расхождения можно понимать и как перепады комплексности, как различия между комплексностью возможного и действительного. Как таковые эти расхождения являются реальным фактором, оказывающим обратное воздействие на условия формирования возможностей, например, ведущим к дисконтированию, идеологизации или к оппортунистическому использованию символов-кодов.

Это предварительное соображение проясняет нормальный характер подобного риска. Речь здесь вовсе не идет о каком-то неправильном развитии. Но, с другой стороны, такая констатация еще почти ничего не говорит об условиях стабилизации, которые могли бы заключаться, во-первых, в развитии соответствующих установок, а во-вторых, в переводе проблемы в сферу кризисной техники. Наконец, они могли бы также состоять в контролируемой инфляции или дефляции власти.

Рассматривая вопрос совместимых установок, нам следует кратко остановиться на том, почему об этом еще почти ничего не известно. Здесь мы вторгаемся в область исследований политической психологии. Существуют установки, скажем, фатализм или апатия, которые специально служат предварению разочарований. При других установках в случае высокой контингенции и низких шансах реализации возможностей можно ожидать изменения особенностей ориентации, например смещения от интернального к экстернальному исчислению, что сказывается на мотивации достижений[24]. Дальнейшие возможности адаптации кроются не в процессах социализации, а в процессах селекции, переводящих на решающие позиции индивидов с проблемно-совместимыми установками. Нынешнее состояние науки пока не позволяет сформулировать более или менее однозначное суждение относительно всех этих аспектов. Еще меньше можно сказать о теоретическом и эмпирическом инструментарии, необходимом для исследования подобных установок.

Что касается кризисной техники, то не совсем ясными представляются как само это понятие, так и его теоретический контекст[25]. Для начала удобнее всего будет ввести исключительно формальное понятие кризиса, рассмотрев его во временном измерении – как чрезвычайно угрожающую фазу какого-либо процесса, предоставляющую вместе с тем необычайные возможности. Система оказывается просто не в состоянии единовременно перерабатывать всю комплексность возможного и поэтому отображает ее на временной оси как последовательность различных состояний: нормальных ситуаций с ограниченной властью и удаленными во времени возможностями, нереальными в настоящем, и кризисных ситуаций, в которых может актуализироваться тематически и ситуационно специфическая власть, соответствующая ограниченным во времени особым условиям структурной совместимости. Так посредством дисконтинуирования предпосылок поведения образуются преимущества временной дифференциации.

Есть основания предполагать, что кризисы развиваются ввиду недостаточной власти и (или) недостаточной компетентности. Данные основания, правда, характерны, скорее, для организованных социальных систем[26]; без дальнейших уточнений они не могут переносится на уровень анализа общества в целом[27]. Однако описанные процессы блокировки (или фильтрации) власти, применяемой исключительно негативно, представляют собой как раз организационные феномены. Поэтому можно предположить, что именно на этом уровне – будь то в области когнитивной комплексности или в сфере власти – и следует искать заторы, вызывающие кризисное развитие. Уже имеются первые исследования о том, что кризисы меняют положение власти в организациях[28]. Поэтому для адекватного ответа на требования, предъявляемые к общественным функциям власти, следует в первую очередь вырабатывать организационно-специфические инструменты кризисной техники.

Кризисная техника отнюдь не представляет собой средства смягчения или устранения кризисов общественной системы, которые, как справедливо полагали марксисты, являются неизбежными. Напротив, под ней подразумевается временное дифференцирование властного риска, осуществляемого посредством вовлечения кризисов в само властное планирование. Формализованным образцом этого служат законы о чрезвычайном положении. Данный образец способен воспроизводиться в политическом процессе также с меньшими трудностями и в меньшем формате[29]. Наряду с этим организация знает и «кризисное управление». Этот последний образец может представать в политике в увеличенных масштабах в смысле исключительной активизации политических ресурсов

власти. В подобных антиципированных и калькулированных кризисах риск высшей власти оплачивается определенными ограничениями в процессе принятия решений: давлением времени, краткосрочностью достигаемых эффектов, зависимостью от актуальных, крайне политизированных проблем, то есть меньшим потенциалом планирования[30]. Но в том, что касается возможных тематик, данный механизм действует в высшей степени селективно. Ибо не всякое страдание способно приводить к кризисам и получать форму организации.

Третий, подчеркнуто медийно-теоретический вариант проблемы риска власти состоит в инфляционной тенденции. Перенос понятия «инфляция» (дефляция) из области денежной теории в сферу сначала теории власти, а затем и общей теории средств коммуникации впервые был предпринят Т.Парсонсом[31]. Тем не менее остается неясным, как именно следует абстрагировать эти понятия для осуществления подобного переноса. Инфляционно воздействует чрезмерно рискованная генерализация, приводящая к опасности обесценивания средств мотивации. Напротив, неиспользование шансов генерализации при незадействованных возможностях трансляции селекций воздействует дефляционно. В случае власти коммуникативная практика, которая работает с пустыми угрозами либо с угрозами, реализуемыми лишь в исключительных случаях, получает инфляционную нагрузку. Речь, например, может идти о «декриминализации» областей поведения, где по криминально-политическим соображениям могут фактически не преследоваться правонарушения[32]. Как и в монетарной сфере, в политике «легкая» инфляция является, по-видимому, возможной стратегией риска. Правда, она обладает некоторым изъяном, поскольку те, на кого она направлена, могут ее предвосхищать и использовать в собственных целях. Это приводит к более или менее ярко выраженным расхождениям, с одной стороны, между различными кодами-символами и, с другой стороны, между ролями и имеющимися в наличии ресурсами, что в конце концов может вызвать прекращение дифференциации коммуникативных средств на обоих уровнях[33].

Примечания

[1] См.: Mey, 1972. Лучший анализ систем организаций см.: Dubin, 1963.

[2] Другие примеры подобного рода см.: Crozier, 1963: 142 ff., 203 ff. Общая проблема нейтрализации централизованной власти вследствие возрастающих взаимозависимостей рассматривается также у Элиаса. См.: Elias, 1970: 70 ff., 96 ff.

[3] Подробнее об этом вопросе см.: Luhmann, 1972 d.

[4] Можно, например, предположить, что универсальное значение бинарных схематизмов обусловлено симбиотически, скажем, физиологической дифференциацией приятного – неприятного. Возможно также и то, что в их основе лежит порог, разделяющий краткосрочную и долгосрочную память. Во всяком случае современные исследования указывают на то, что в случае прерывания потока переживаний этот порог обычно более не сохраняется в долгосрочной памяти в виде двух видов информации. См.: Simon, 1969: 39 f. Если это предположение подтвердиться, то тем самым будет объяснено, почему на символическом уровне при данных исходных условиях более плодотворным оказывается наделение одного из этих двух видов информации высоко генерализированной формой отрицания, то есть бинарная схематизация его в данном специфическом смысле.

[5] В этом случае Парсонс склонен говорить об обеспечении «реальными активами» (real assets), а Дойч – о «контроле за повреждениями» (damage control). Оба исследователя видят в этом условие для «подведения» под процессы символической генерализации своего рода базиса надежности. Ср.: Parsons, 1963 a; Deutsch, 1969: 184 ff.

[6] Мы ограничиваемся рассмотрением лишь случая насилия по отношению к людям. Под этим следует понимать и такое предметно опосредованное насилие, которое препятствует людям свободно распоряжаться своим телом, скажем, при изоляции в помещениях, в которые заключенные в них люди попадают по собственной воле. Насилие по отношению к вещам, скажем, при сознательном их разрушении, служит основанием власти лишь в том случае, если оно задумывается в форме символической угрозы и возвещает о готовности применить насилие также и по отношению к людям, например, против тех, кто захочет защитить свои вещи.

[7] Этот упорядочивающий фактор, конечно, не является единственным. Он отнюдь не объясняет все фактические проявления физического насилия. Насилие имеет и другие многочисленные функции, вызываемые к жизни различными побуждениями, скажем, функции экспрессивного типа, функции вспомогательного типа (например, при лечении больных или спасении утопающих) и даже функции воспитательного типа. Так, Фэнон (Fanon, 1961: 29 ff.) доказывает, что на общественно-политическом уровне имеет место агрегация психических эффектов: акты насилия провоцируют у притесняемых рост самосознания. Это, разумеется, вполне возможно, но не объясняет возможностей и границ политико-организационной агрегации подобных эффектов. Еще меньше здесь говорится о комплексности и «просвещаемости» подобного самосознания.

[8] Выше, рассматривая вопрос о провокации, мы отметили, что асимметрия в процессе реализации альтернатив избежания иногда выглядит довольно странно и что при определенных обстоятельствах властитель и подчиненный могут меняться местами в своем отношении к этим альтернативам. Также и в отношении задуманного насилия не исключается возможность реализации определенного вида принуждения, а именно когда подчиненный (или слабый) принуждает власть (или сильного) к фактическому применению насилия. Стратегия вызывающего поведения, провоцирующего насилие, в определенных обстоятельствах может приводить к политиче-

скому успеху, а именно в тех случаях, когда властитель в силу сложившейся политической ситуации не может использовать насилие как основание своей власти.

[9] Шпеман ссылается в данном случае на Канта: Spaemann, 1972.

[10] Здесь уместно подвергнуть сравнению параллельную область когнитивной переработки информации. См.: Simon, 1969. Любопытный анализ, причем именно применительно к власти, можно обнаружить у Попица. См.: Popitz, 1968.

[11] Об этих особенных требованиях, предъявляемых к «макросоциологической» власти, см.: Lehman, 1969.

[12] См., например: Schermerhorn, 1961: 36 ff.; Partridge, 1963: 110 ff.; Buckley, 1967: 176 ff. Другие источники см.: Walter, 1964.

[13] См.: Elias, 1970: 70 ff., 96 ff. Сравните это с изображением буржуазной революции как снятия старого баланса между «центром» и «периферией», приводящего к идеологизации политики, к ее восприимчивости к протестам (Eisenstadt, 1971: 317 ff.).

[14] См.: Ritter, 1957.

[15] Эта политически приобретаемая независимость от случайности, свойственная развитым обществам, была ведущей темой в древнекитайской политической философии легизма. См.: Duyvendah, 1928: 109 ff.

[16] Об образовании обратно направленной власти во властных цепях см. выше (гл. 3), также подробнее в гл. 9.

[17] См.: Bachraeh, Baratz, 1962; 1963.

[18] Однако из этого ни в коем случае еще нельзя делать вывод, что сохранится своего рода status quo и общество окажется неспособным к изменению. Стремительное изменение общества уже не остановить; консервация бессмысленна, и к тому же для нее нет возможностей. Вопрос может состоять лишь в том, можно ли вообще управлять этим изменением, и если да, можно ли это делать в форме применения власти.

[19] См.: Luhmann. Die Knappheit der Zeit und die Vordringlichkeit des Befristeten // Luhmann, 1971 a: 143–164.

[20] Здесь необходим более тонкий анализ того, требует ли воспроизводимость решений проблем дополнительных факторов в рамках линейных последовательностей. Если это предположение подтвердится, то станет возможным нащупать границы того, что именно способна транслировать власть в ходе более или менее автоматического, свободного от внешних вмешательств воспроизводства.

[21] См. также: Luhmann, 1973 Ь: 12 ff.

[22] Поначалу это проявлялось в вопросе о «легитимности господства» как такового (а не легитимности того, кто господствует); ныне вопрос о легитимности вообще никак не ставится, и негативный ответ на него – молчаливо подразумевается. В ходе опроса служащих государственных учреждений Федеративной Республики Германии, например, выяснилось, что 62% опрошенных (а в группе молодых – даже 71%) не готовы менять собственные мнения под влиянием своих политических начальников. См.: Luhmann, Mayntz, 1973: 337 ff. Хотя эти цифры не позволяют сделать надежный вывод о фактической готовности чиновников к послушанию, все-таки они по-

казывают, какой глубокой коррозии подверглась в настоящее время основа политического лидерства. Это исследование также демонстрирует, что сегодня это происходит не только потому, что правовая форма стала функциональным эквивалентом властных указаний.

[23] Если рассматривать историю понятий, все эти коды символы имеют средневековые корни, которые сегодня едва ли могут быть полностью отсечены. Первоначально они были сформулированы в рамках логики перфекции как нечто такое, выше чего ничего нет и быть не может, как завершение своего рода прогрессии восхождения и поэтому получали конкретную и наглядную упорядочивающую форму.

[24] Специально о случае карьерного риска см.: Luhmann, 1973 c.

[25] Интерес к понятийному прояснению этого вопроса в настоящее время проявляют прежде всего неомарксистские наблюдатели позднего капитализма, например Хабермас: Habermas, 1973 c.

[26] См.: Crozier, 1963; Safer, 1961; Ваит, 1961: 70 f f.; Guest. 1962. Интересный анализ, рассматривающий способности университетской власти реагировать на разразившийся студенческий кризис, см.: Bucher, 1970.

[27] Хабермас (Habermas, 1973) в своем анализе общества в целом, проводимого на основе концепции «принципов организации», использует слишком жесткий подход к выделению типов организаций.

[28] См.: Mulder, Ritsema van Ech, de Jong, 1971.

[29] Аналогичным образом рассуждает Шарпф: Scharpf, 1971: 27 f.

[30] Вайкерс (Vickers, 1965: 197 ff.) пишет об «отчаянных решениях» (desperate decisions).

[31] Parsons, 1963 a; 1968: 153 ff. Болдуин (Baldwin, 1971 a: 608 ff.), обычно весьма скептически настроенный в отношении возможностей сравнения денег и власти, также видит в такой постановке вопроса концептуальную перспективу. См. также: Mayhew, 1971: 143.

[32] Против этого предостерегают старые политико-правовые положения: Montesquieu, 1941: 95.

[33] Об этом пишет Баум (Baum, 1971), который связывает понятия инфляции и дефляции именно с этим обстоятельством.